

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «РЕЖИМ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2023, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Русакова О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 27–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_27

Аннотация

Статья посвящена проблемам методологического осмысления понятия «режим политики памяти», ставшего в последнее время одной из центральных категорий memory studies и предметом изучения для ряда зарубежных и отечественных исследователей. Цель работы – представить особенности методологического анализа режимов политики памяти в трудах М. Бернхарда и Я. Кубика, О.Ю. Малиновой и Д.Э. Летнякова, а также очертить методологические рамки авторского подхода к типологии таких режимов. Методология исследования опирается на акторно-центрированный, нарративный, дискурсивный и агональный подходы к изучению данного понятия, отдельное внимание уделяется проблеме типологии режимов памяти. Критически рассматриваются некоторые критерии, используемые в рамках нарративного подхода при анализе советской и постсоветской истории. Важную методологическую роль в процессе конкретизации представленных подходов сыграли исследовательские установки, содержащиеся в коллективной монографии «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики» (Екатеринбург, 2022). Автором статьи подробно описываются такие ключевые понятия современных

© Русакова О. Ф., 2023

концепций режимов политики памяти, как мнемонические борцы, плюралисты, отреченцы и перспективисты, раскрываются особенности их конфигураций в гегемонистских, агональных, демократических и иных режимах памяти. Также дается определение понятия «государственный режим политики памяти», в котором подчеркивается доминирующий характер официального властного дискурса, задающего главные тренды в способах интерпретации прошлого и реализации коммеморативных практик. В заключительной части исследования предлагается авторская модель типологизации режимов политики памяти.

Ключевые слова:

режим политики памяти, мнемонические акторы, нарративный подход, гегемонистский режим памяти, агональный режим памяти, государственный режим политики памяти.

UDC 32

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_27

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF “REGIME OF MEMORY POLITICS”: METHODOLOGICAL ANALYSIS

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Article received on January 30, 2023, accepted on March 7, 2023

For citation: Rusakova, O.F. (2023). On The Issue of the Concept of “Regime of Memory Politics”: Methodological Analysis. *Discourse-P*, 20(1), 27–45. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_27

Abstract

This article deals with the problems of methodological understanding of the “regime of memory politics” concept, which has recently become one of the central categories of memory studies and the subject matter for a number of foreign and domestic researchers. The purpose of the research is to present the features of the methodological analysis of regimes of memory politics developed in the works of M. Bernhard and J. Kubik, O.Yu. Malinova and D.E. Letnyakov, as well as outline the methodological framework of the author’s approach to the typology of such regimes. The research methodology is based on actor-centered, narrative, discursive, and agonal approaches to the study

of this concept, special attention is paid to the problem of typology of memory regimes. Some criteria used within the framework of the narrative approach in the analysis of Soviet and post-Soviet history are critically examined. An important methodological role in the process of historical concretization of the presented approaches was played by the research guidelines contained in the collective monograph “The official discourse of the Russian politics of memory on the Soviet past: Interpretation strategies, actors, commemorative practices” (Ekaterinburg, 2022). The article describes in detail such key notions of modern concepts of regimes of memory politics as mnemonic warriors, pluralists, abnegators, and prospectives; reveals the features of their configurations in hegemonic, agonal, democratic, and other memory regimes. It also defines the concept of the “state regime of memory politics”, which emphasizes the dominant nature of the official power discourse setting the main trends in the ways of interpreting the past and implementing commemorative practices. In the final part of the study, the author’s model of typologization of regimes of memory politics is proposed.

Keywords:

regime of memory politics, mnemonic actors, narrative approach, hegemonic memory regime, agonal memory regime, state regime of memory politics.

В последнее время в мировой научной среде значительно вырос исследовательский интерес к понятию «режим политики памяти», которое сегодня превращается в одну из центральных категорий *memory studies*. В зарубежной литературе одними из первых, кто обратился к аналитическому изучению смысловых, структурных и инструментальных характеристик данной категории, были М. Бернхард и Я. Кубик (Bernhard & Kubik, 2014), О. Шевель (Shevel, 2011), М. Сидди (Siddi, 2017). В отечественной научной мысли в разработку категории «режим политики памяти» заметный вклад внесли такие исследователи, как О.Ю. Малинова и А.И. Миллер (Миллер, 2016; Малинова, 2018а, 2018b, 2018с, 2020; Малинова, Миллер, 2021), Ф.В. Николаи и Ю.В. Вилкова (2020), И.Л. Прохоренко (2021), Н.Н. Емельянова (2020), Д.Э. Летняков (2021, 2022а, 2022b) и др.

Методологические аспекты изучения политики памяти в творчестве М. Бернхарда и Я. Кубика

Для большинства зарубежных и российских исследователей режимов политики памяти основополагающим трудом, задающим методологические ориентиры для проведения их типологии, стала работа М. Бернхарда и Я. Кубика, посвященная 20-летней годовщине падения коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) в 1989–1991 гг. (Bernhard & Kubik, 2014). Комментируя текст данной работы, О.Ю. Малинова и А.И. Миллер отмечают, что мнемонический режим – «доминирующая модель политики памяти, которая существует в данном обществе в данный момент в отношении конкретного исторического события или процесса, имеющего важные последствия» – определяется конфигурацией мнемонических акторов (Малинова, Миллер, 2021,

с. 32). Таким образом, в основу изучения режимов политики памяти Бернхардом и Кубиком положен *акторно-центрированный подход*, согласно которому в соответствии с особенностями конфигурации основных мнемонических акторов, участвующих в выработке той или иной интерпретации наиболее значимых для государства и общества исторических событий, определяется тип режима политики памяти.

Авторы выделяют четыре идеальных типа акторов, чье доминирующее положение среди других конкурирующих субъектов, участвующих в интерпретации прошлого, определяет в итоге и конкретный тип режима памяти. К ним относятся мнемонические воины (борцы), плюралисты, отреченцы (уклонисты) и перспективисты.

Говоря о *мнемонических борцах* (mnemonic warriors), Бернхард и Кубик выделяют следующие отличительные черты их видения себя и других в контексте формируемого ими режима политики памяти: «Они обычно верят, что историческая правда достижима, и что, как только она будет достигнута, она должна стать основой социальной и политической жизни. Таким образом, для них соревнование в области политики памяти происходит между «нами» – хранителями правды, и «ними» – запутывателями, увековечивающими «ложь», или оппортунистами, которые не знают или не заботятся о «правильной» форме коллективной памяти... Содержание коллективной памяти представляется борцам в значительной степени не подлежащим обсуждению; единственная проблема заключается в том, как заставить других принять их «истинное» видение прошлого... Настоящее истолковывается как пронизанное «духом» прошлого, и если этот дух несовершенен, основы государства разрушаются... Другой аргумент, часто используемый мнемоническими борцами, заключается в том, что проблемы настоящего (и будущего) не могут быть эффективно решены, если все государство не будет построено на надлежащем фундаменте в соответствии с «истинным» видением истории. Альтернативные видения прошлого – по определению «искаженные» – должны быть делегитимизированы или уничтожены. Сторонники таких видений должны покаяться или уйти из общественной жизни» (Bernhard & Kubik).

Согласно О.Ю. Малиновой и А.И. Миллеру, воплощением мнемонических акторов данного типа является партия большевиков, видящая основную цель своей деятельности в осуществлении идеалов коммунизма. Авторы также отмечают, что Бернхард и Кубик не находят в современной ЦВЕ подобных политических субъектов (Малинова, Миллер, 2021, с. 36).

В отличие от мнемонических борцов *мнемонические плюралисты* (mnemonic pluralists) признают, что в дополнение к «нам» и нашему видению истории существуют также «они» со своими собственными представлениями о прошлом: «Самое главное, плюралисты верят, что другие имеют право на свое собственное видение. Если они не согласны с этими видениями, они готовы вступить в диалог, главной целью которого является упорядоченное стремление к «истине», обнаружение областей совпадения между конкурирующими видениями и формулирование общих мнемонических основ, которые позволяют обсуждать конкурирующие версии. Плюралистов устраивает возможность множественных представлений о времени; например, может быть время, в течение которого человек стремится к искуплению, но есть также

время, в течение которого он разрабатывает и реализует «прагматичные» политические меры. Серьезная проблема для плюралистов заключается в том, как создать поле политики памяти, которое учитывало бы конкурирующие взгляды и обеспечивало платформу для диалога между ними. Тип мнемонического поля, которому они отдают предпочтение, можно назвать столбчатым. В режиме опоры на память конкурирующие видения прошлого «мирно сосуществуют» (Bernhard & Kubik).

Мнемонические отреченцы (mnemonic abnegators), по мнению Бернхарда и Кубика, избегают активного участия в реинтерпретации коммеморируемых событий, поскольку они, как правило, не заинтересованы в этом, рассматривают прошлое как резервуар полезных проверок практических решений, сосредотачиваются на настоящем и стремятся избежать участия в мнемонических войнах. «Политика удобного или целенаправленного забвения, избранная, например, акторами, которые прямо или косвенно (через своих политических предшественников) могут нести ответственность за прошлые социальные травмы, также может лежать в основе позиции отречения» (Bernhard & Kubik).

Мнемонические перспективисты (mnemonic prospectives), согласно авторам, верят, что разгадали загадку истории и тем самым имеют ключ к лучшему будущему. Они предполагают, что люди, возглавляемые ими, могут преодолеть беды мира, построив желаемое постисторическое конечное государство. «Находясь вне власти, они являются непримиримыми врагами ненавистного статус-кво, а находясь у власти, они утверждают, что политическая система, которой они руководят, является лучшим, если не единственным путем к этому трансисторическому концу. Это телеологическое видение человеческого развития. Придя к власти, «перспективисты» пытаются мобилизовать все население на «борьбу» за достижение желаемого конечного состояния. В политической борьбе и при установлении своего правления стратегия перспективистов агрессивна и очень похожа на стратегию борцов. Но их действия оправдываются не привязкой к прошлому, а перспективами «лучшего» будущего» (Bernhard & Kubik).

Бернхард и Кубик считают, что режимы политики памяти, в которых принимают участие все четыре типа мнемонических акторов, можно разделить на следующие подвиды: 1) демократический режим памяти, где доминируют плюралисты и отреченцы; 2) режим конкурентного авторитаризма с доминированием борцов и плюралистов; 3) гегемонистский режим памяти, который складывается в результате установления господства позиции мнемонических борцов в процессе конкурентной борьбы. При этом во всех трех случаях именно борцы задают тон мнемоническим соревнованиям, поскольку они противостоят не только другим воинам, но и плюралистам, отреченцам и перспективистам (Bernhard & Kubik).

В условиях демократического режима памяти, по мнению Бернхарда и Кубика, вполне возможна ситуация, при которой плюралисты попытаются создать опорный мнемонический режим, но им могут помешать «фундаменталистские» мнемонические борцы, стремящиеся установить гегемонистский режим памяти: «Преследование гегемонистских целей в демократическом государстве, в котором нет ни консенсуса, ни апатии по поводу прошлого, неизбежно приводит к формированию раздробленного поля памяти... Независимо от содержания конкурирующих представлений о прошлом, если плюралисты сильны, они могут

маргинализировать воинов, блокируя актуальность вопросов исторической памяти, эффективно превращая их в отреченцев, которым невыгодно заниматься этим вопросом. Однако, если воин способен разжечь конфликт памяти, этот конкретный режим памяти останется нарушенным» (Bernhard & Kubik).

В случае отсутствия мнемонических борцов выделяются разделенные на колонны и унифицированные режимы политики памяти: «При разделенном на колонны режиме между действующими лицами будут существовать разногласия по поводу их интерпретаций прошлого, но терпимость к различиям во мнениях или безразличие к вопросам памяти предотвратят пристрастную политизацию таких интерпретаций... Наконец, режимы памяти, которые основаны на согласии относительно интерпретации прошлого и таким образом в значительной степени свободны от мнемонических конфликтов, называются унифицированными» (Bernhard & Kubik).

Уделяя большое внимание вопросу о конфигурации стратегических (позиционных) ориентаций основных мнемонических акторов, участвующих в установлении определенных паттернов режимов памяти, Бернхард и Кубик разработали собственную типологию режимов памяти, возникших в новых посткоммунистических государствах ЦВЕ. В данном случае, считают авторы, актуальны три позиционные конфигурации, связанные с тремя типами режимов памяти: 1) *расколотый режим*, когда по крайней мере один актер является мнемоническим борцом; 2) *разделенный на колонны плюралистический режим*, когда среди акторов отсутствуют борцы, и по крайней мере один субъект является мнемоническим плюралистом; 3) *унифицированный режим* (режим единой общенациональной памяти), когда достигается стратегический консенсус между всеми мнемоническими актерами.

Расколотый, разделенный на колонны и унифицированный режимы памяти, согласно авторам, по-разному влияют на качество демократии. Унифицированные режимы, скорее всего, будут существовать в демократиях в долгосрочной перспективе, опираясь на широкий политический и культурный консенсус, который трудно достичь, а однажды достигнутый он очень подвержен разрушениям. Если актеры не видят политической выгоды в политической конкуренции из-за политизации вопросов памяти, тогда возможна универсальная позиция отречения. «Мы ожидаем от посткоммунистических демократий, что режимы памяти будут колебаться между разделенными на колонны и унифицированными» (Bernhard & Kubik).

Представленная Бернхардом и Кубиком концептуальная модель режимов памяти предполагает, что наличие среди доминирующих акторов мнемонических борцов может привести к формированию фрагментированного и конфликтного режима памяти, что в перспективе способно оказывать негативное влияние на процесс консолидации демократических сил в стране. Именно такими, отмечает О.Ю. Малинова, оказались режимы памяти о событиях 1989–1991 гг. в Венгрии, Польше, Румынии, Словакии, прибалтийских странах, Украине и Словении. Единственным случаем установления консолидированного плюралистического режима стала Чешская Республика, где на базе общей позитивной оценки «бархатной революции» 1989 г. были институционализированы и легитимизированы различные подходы к ее коммеморации. В случаях ФРГ, Болгарии и большинства республик бывшей Югославии были обнаружены унифициро-

ванные режимы памяти, характеризовавшиеся наличием согласия относительно содержания коммеморации. Россия же не попала в число рассматриваемых случаев, поскольку ее политический режим не отвечает требованиям «минимального уровня демократии», а также потому, что по случаю двадцатилетия «августовского путча» 1991 г. в ней не проводилось никаких официальных мероприятий. «Таким образом, – констатирует О.Ю. Малинова, – в результате исследования выяснилось, что паттерны режимов памяти в Центральной и Восточной Европе следуют траекториям посткоммунистических транзитов» (Малинова, 2020, с. 37).

Нарративный подход к трактовке понятия «режим политики памяти»

Методологическая модель режимов политики памяти, представленная в работе Бернхарда и Кубика, подверглась существенной модификации и была дополнена новыми концептуальными положениями, выработанными российскими исследователями данной проблематики. Так, например, в ряде работ О.Ю. Малиновой (2018а, 2018b) анализ мнемонических стратегий, определяющих характер мнемонических режимов, был дополнен сравнительным исследованием конкурирующих нарративов, возникших в российской политической практике и связанных с коммеморацией 100-летнего юбилея Великого Октября, который отмечался в стране в 2017 г. Непосредственным предметом исследования стали практики политического использования данного юбилея следующими мнемоническими акторами: властвующими элитными группами страны; КПРФ с ее особой коммеморативной стратегией; внесистемные политические партии, не представленные в Государственной Думе; Русская Православная Церковь. Автор предложила проводить процедуру сравнительного анализа конкурирующих нарративов, представляемых данными мнемоническими акторами, на основании следующих пяти параметров: «1) основная идея повествования (как правило связана с миссией, политической программой или идентичностью мнемонического актора); 2) сюжетная линия (сосредоточена на истории трагедии и травмы, пережитой Россией в XX в.); 3) элементы-события, между которыми выстраиваются перспективные связи; 4) основные действующие лица; 5) уроки, которые предлагается вынести из исторического опыта» (Малинова, 2020, с. 37–38).

Сделанный на основе предложенных параметров сравнительный анализ конкурирующих нарративов, касающихся позиций мнемонических акторов по отношению к такому событию, как 100-летний юбилей Октябрьской революции, согласно Малиновой, подтвердил, что в России сложился фрагментированный и конфликтный режим памяти о событиях 1917 г. Вместе с тем автор отмечает, что результаты анализа нарративов и стратегий мнемонических акторов позволили объяснить, почему, несмотря на очевидное расхождение мнений, коммеморация столетия революции(й) 1917 г. прошла «неконфликтно». Акторы, чьи стратегии соответствовали роли мнемонических борцов, либо не имели достаточных ресурсов для продвижения собственных интерпретаций, либо частично разделяли установки властвующей элиты. Для последней, однако, было важно не столько утвердить собственную интерпретацию, сколько избежать «разжигания страстей». «Отказавшись от официальной коммеморации и благо-

даря этому избежав прямой полемики с оппонентами, власть достигла своей цели» (Малинова, 2020, с. 38).

Следует отметить, что при всей методологической значимости проведенного О.Ю. Малиновой исследования конкурирующих нарративов политики памяти, относящихся к коммеморациям 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в схеме сравнительного анализа данных нарративов содержится одна, но весьма существенная погрешность, обусловленная, как нам представляется, определенным влиянием на позицию автора концептуальных установок, культивируемых в стратегиях политики памяти современных постсоциалистических государств ЦВЕ, а именно, речь идет о втором параметре, обозначенном как сосредоточение на истории трагедии и травмы, пережитой Россией в XX в. По нашему мнению, данный критерий не может быть использован при оценке существующих в современной России коммеморативных нарративов, касающихся 100-летней годовщины Великого Октября, поскольку, как показывают социологические исследования¹, в коллективной памяти большинства российских граждан, в отличие от сторонников стратегии декоммунизации, Октябрьская революция продолжает ассоциироваться не с трагическим и травмирующим событием, а с открытием новых горизонтов для глобальных социальных преобразований страны, социалистической модернизации общества, создания человека коммунистической формации, прорыва СССР в космическое пространство, для развития мирового антиколониального и коммунистического движения. В конце концов, именно Октябрьская революция создала необходимые предпосылки для Победы советского народа над мировым нацизмом в годы Второй мировой войны. В связи с этим было бы более корректно в качестве критерия оценок существующих властных и оппозиционных нарративов говорить не о трагедии и травме, связанных с событиями Октября, а о степени их (нарративов) дистанцирования с данной методологической установкой.

Кроме того, взятый за основу методологический подход к изучению режимов политики памяти, согласно которому характер каждого такого режима объясняется посредством анализа той или иной конфигурации идеальных типов мнемонических акторов, транслирующих конкретные нарративы, сформированные вокруг определенных общественно значимых событий прошлого, на наш взгляд, страдает методологической фрагментарностью, поскольку дробит символически-репрезентируемую событийную реальность на частные фрагменты, не раскрывая при этом общих стратегических установок режимов политики памяти, принятых в конкретном государстве или группе государств. В итоге все сводится к разбору акторного разнообразия в отношении трактовок того или иного исторического события, что заслоняет собой процесс раскрытия центральных трендов в установлении того или иного государственного режима политики памяти.

¹ *Революция: 1917–2017. Перемены vs стабильность*: опрос ВЦИОМ (2017, 11 октября). Взято 10 декабря 2022, с https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-11_oct100.pdf; *Итоги революции*: опрос ФОМ (2017, 17 ноября). Взято 10 декабря 2022, с <https://fom.ru/Proshloe/13855>; *Революция как памятная дата*: опрос ФОМ (2017, 21 ноября). Взято 10 декабря 2022, с <https://fom.ru/Proshloe/13856>

Хорошо известно, что в любом обществе доминирующие позиции всегда занимают нарративы, представленные государственными структурами, которые, как правило, стремятся вытеснить из публичной сферы оппозиционные власти дискурсы, превратив их в маргинальные версии событий и явлений прошлого. Неопровержимым является факт, что институты государства в устойчивом обществе всегда выступают в качестве самого сильного и влиятельного мнемонического актора, обладающего разнообразными ресурсами и инструментами властвования – административными, правовыми, политическими, экономическими, социокультурными, медийными и др. Поэтому именно дискурс государства в лице его официальных представителей в большинстве случаев формирует и внедряет в массовое сознание доминирующий дискурс о событиях прошлого, отодвигая все иные противостоящие ему дискурсы на периферию коллективной памяти. Свой практический выход доминирующий дискурс политики памяти находит в символических способах своей репрезентации в рамках определенных коммеморативных практик, к которым относятся: празднования юбилеев общественно значимых событий и исторических фигур, установление новых мемориальных комплексов и памятников, а также демонтаж прежних памятников, не соответствующих новым стратегическим установкам политики памяти, процедуры переименования старых топографических обозначений и внедрение новых наименований, охрана и защита от вандализма прежних мест памяти и создание новых и др. К коммеморативным практикам реализации доминирующего государственного дискурса политики памяти также относятся педагогические, кинематографические и медийные способы его реализации в школьных и вузовских учебных программах, художественном и документальном кинематографе, СМИ, социальных сетях.

В соответствии с предложенным выше подходом мы даем следующее определение понятию «режим политики памяти», относящемуся к конкретному государственному образованию. *Под государственным режимом политики памяти нами понимается система доминирующих в обществе стратегических властных установок относительно способов интерпретаций и оценок исторического прошлого страны и соответствующая данным установкам система коммеморативных практик.*

В условиях, когда государственная стратегия памяти еще не устоялась и во властных структурах еще не выработана единая позиция в отношении трактовок и оценок конкретных событий и персонажей прошлого, мы можем охарактеризовать такой режим политики памяти как *расколотый*, несмотря на то, что на уровне власти может быть формально выработана консенсусная примирительная позиция. Данный вывод касается, в частности, «скромного» формата, который был выбран представителями российской власти в отношении способов коммеморации 100-летней годовщины Великого Октября. Отказ проводить праздничные мероприятия, посвященные данному юбилею, установка на «тихий юбилей», свидетельствовали отнюдь не о торжестве унифицированной, примирительной версии коммеморации Октября, а, наоборот, о спровоцированной данным шагом глубине недовольства, возникшей как среди определенных государственных слоев (КПРФ), так и в среде лояльных к власти общественных структур (научная интеллигенция, вузовские преподаватели, ответственные представители ряда государственных СМИ). «Установка на «тихий юбилей», –

отмечают авторы монографии «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики», – вызвала возмущение у ряда российских публичных деятелей, для которых основная стратегия политики памяти состоит в том, чтобы соблюдать принцип преемственности поколений, культивировать чувства гордости за реальные достижения своего народа, за вклад своей страны в процесс мирового развития» (Русакова и др., 2022, с. 101). В монографии приводится высказывание В. Т. Третьякова, декана Высшей школы телевидения МГУ, на заседании созданного КПРФ Юбилейного комитета по подготовке к 100-летию Великого Октября: «Постыдно замалчивать историческое событие такого масштаба на его родине и в год его столетнего юбилея. Это и политически контрпродуктивно, ибо все, что не скажем об Октябре 1917 года мы, скажут другие, причем многие сделают белое черным и попытаются превратить юбилейную дату в очередной «суд над Россией и русской историей». Это не тот случай, когда молчание – золото, а совсем наоборот» (с. 101–102). В итоге официальная власть, устранившись от торжественного празднования 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, не столько достигла желаемого примирения в обществе, сколько, встав фактически на точку зрения мнемонического отрезца, *усилила внутренний конфликт в прогосударственных структурах.*

Агонистический подход к трактовке понятия «режим политики памяти»

Понятие «агонистический режим памяти» было введено в научный оборот А. Буллоу и Х. Хансеном (Bull & Hansen, 2016). В современной отечественной литературе агонистическая модель режимов политики памяти получила разработку в трудах Н. Н. Емельяновой и Д. Э. Летнякова (Емельянова, 2020; Летняков, 2021, 2022а, 2022б).

В статье «Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму» Д. Э. Летняков ссылается на представление о нации как о целостном сообществе памяти, где действует установка на «методологический национализм», согласно которой мир «естественно» разделен на национальные государства и национальные культуры. При этом одной из опор данного подхода выступает традиционное понимание исторической памяти как общего для членов одной нации представления о прошлом. Именно такого рода установки, по мнению автора, лежат в основе режима исторической памяти, который можно назвать гегемонистским. Он предполагает существование в рамках нации-государства доминирующего исторического нарратива, который поддерживается через систему образования, медиа, музейную сферу, набор официальных праздников и т. д. Те версии прошлого, которые противоречат гегемонистскому нарративу, маргинализируются и подавляются, поскольку рассматриваются как подрывающие национальное единство и патриотические чувства (Летняков, 2022а, с. 46). Однако в последние десятилетия, отмечает автор, в разных странах сложившийся подход начинает испытывать все больше вызовов со стороны контргегемонистских нарративов, носителями которых оказываются люди с миграционным бэкграундом, представители этнических и расовых меньшинств, региональных сообществ и т. д. Многие из них не готовы солидаризироваться с той версией прошлого, в кото-

рой их культурному и историческому наследию отводится несправедливо мало места, или в которой не уделяется должного внимания пережитому их сообществом опыту страдания и угнетения (геноциду, дискриминации, рабству и пр.). Данные обстоятельства приводят к исследовательской проблематизации гегемонистского подхода к понятию исторической памяти, который отождествляет память господствующих групп и классов с памятью различных национальных общностей (с. 46).

Д. Э. Летняков предлагает рассмотреть возможную альтернативу гегемонистскому режиму памяти, которую он усматривает в развитии агонистического (греч. агон – «борьба») подхода, согласно которому историческую память общества следует представлять не в виде единого, непротиворечивого нарратива, а скорее как совокупность разнообразных нарративов и поля борьбы самых разных мнемонических акторов, постоянно конкурирующих между собой. С этой точки зрения любые мемориальные конфликты, споры относительно трактовок тех или иных исторических событий, концепции преподавания истории, сносы или установки монументов представляются естественной частью дискуссий, которые идут в публичной сфере любого демократического общества. В этой связи автор считает, что в «переписывании истории» следует видеть «не покушение на национальные основы, а нормальный процесс пересмотра обществом представлений о самом себе, который может происходить в силу поколенческих сдвигов, идеологических трансформаций, роста культурного разнообразия и т. д.» (Летняков, 2022а, с. 47). В отличие от гегемонистского режима памяти агонистический режим, по мнению Летнякова, является более мягким и демократичным, поскольку «открытая дискуссия, публичная борьба памяти гораздо лучше ситуации, когда «подавленные» версии прошлого вынуждены «уйти в подполье», не имея возможности быть высказанными гласно» (с. 49). Автор считает, что в настоящее время дальше других на пути формирования агонистических режимов памяти продвинулись либеральные демократии Запада. Не случайно в последние десятилетия традиционный исторический канон претерпел там существенные изменения, а различные контрнарративы получили большую возможность быть представленными в публичном пространстве через систему образования, академические исследования, музеи, искусство, медиа и пр. Это касается, например, региональных версий прошлого, которые могут отличаться от общенациональной истории (фламандская память vs бельгийская, шотландская vs британская), коллективной памяти этнических и расовых меньшинств (так называемая черная история в США, аборигенная история в Австралии и Канаде), людей с миграционным бэкграундом. В итоге различные изменения в культурном составе национального сообщества трансформируют «социальные рамки» памяти, что «заставляет заново искать приемлемые для общества конвенции в сфере исторической памяти» (с. 50).

Трансформации режимов политики памяти в современных государствах

Мемориальные конфликты между разными агентами памяти, воплощаясь в политических дебатах и коммеморативных практиках, реализуются с разной степенью свободы слова и мнений как в обществах, которые принято называть

демократическими, так и в тех, которые сегодня на Западе называют авторитарными. При этом ряд свойств структурных компонентов государственных режимов памяти, таких, например, как степень свободы и правдивости СМИ, возможность свободного высказывания альтернативных официальному дискурсу точек зрения, в «авторитарных» обществах может быть гораздо выше, чем в «демократических». Ярким примером служит игнорируемая и запрещаемая в «демократических» странах Запада позиция телеканала *Russia Today* и ряда других альтернативных медиаисточников относительно способов освещения богатого политического спектра современной жизни. И, наоборот, в так называемых «авторитарных» государствах, к которым представители цивилизованного Запада обычно относят Россию, на протяжении целого ряда лет интенсивно ведутся политические дебаты по актуальным внутренним и мировым проблемам, высказываются альтернативные по отношению к доминирующему властному дискурсу точки зрения, что на деле является выражением реального демократического плюрализма.

Было бы неверным считать, что официальная власть в «демократических» государствах гораздо в меньшей степени, чем в «авторитарных», способна выступать «единым фронтом», т. е. обладать качествами гегемонистского мнемонического актора. Опыт информационной войны последних лет показывает, что, например, в Великобритании, которая считается флагманом «демократии», в последнее время заметно усилился процесс унификации дискурса ее основных властных структур. Британское государство все активнее мобилизует свои многочисленные ресурсы, включая медиа, для ведения пропагандистской, идеологической и военно-политической борьбы с разного рода угрозами для защиты собственной безопасности (доктрина *Fusion*), что на практике приводит к трансформациям политического режима в стране и, соответственно, режима политики памяти, в котором начинает доминировать гегемонистский дискурс. В частности, данная тенденция отчетливо проявилась в ходе публичного развертывания так называемого дела Скрипалей, при освещении которого все государственные структуры и СМИ транслировали одну единственную, задаваемую «сверху», гомогенную точку зрения, которая преподносилась публике с одной конъюнктурной целью – поддержки существующего в массовом сознании зловещего образа России, которая считается виновной во всех «преступлениях» против цивилизованного мира (Русакова, 2018).

Мы считаем, что в государствах, чьи режимы памяти в зарубежной литературе обычно принято обозначать понятием «авторитарные», вполне могут существовать плюралистические модели памяти, допускающие взаимодействие в одном и том же мнемоническом пространстве альтернативных дискурсов, которые работают на формирование и укрепление консенсусной модели памяти. Так или иначе, именно властные институты конкретного государства определяют допустимую степень плюрализма в сфере политики памяти.

Следует также отметить, что после крушения мировой социалистической системы новые политические элиты в странах Восточной Европы энергично приступили к конструированию собственных национальных нарративов памяти, в которых тема их социалистического прошлого трансформировалась в официально принятый концепт страдания восточноевропейских народов от советской оккупации и коммунистического угнетения, при этом коммунистический гнет

представлялся исключительно как внешнее, советско-российское абсолютное зло, целью которого был, якобы, геноцид народов Восточной Европы. В итоге одним из важных структурных компонентов режимов памяти, установившихся в государствах ЦВЕ, стал *дискурс о политике двойного геноцида*, который проводился в отношении их населения сначала нацистскими властями, а после окончания Второй мировой войны советскими, чья деятельность обозначена понятием «советский оккупационный режим».

Тема советского геноцида и оккупационного режима стала центральной для продвижения новой политики памяти в государствах ЦВЕ. Ее главным стратегическим ориентиром выступила теория и практика декоммунизации, а главным коммеморативным инструментом – музеи оккупации и геноцида, в выставочных залах которых доминирует, отнюдь, не нацистская, а советская проблематика. Так, согласно российскому теоретику политики памяти А.И. Миллеру, «входя в «Музей геноцида» в Вильнюсе, не следует ожидать, что там пойдет речь о Холокосте (а о Холокосте в Литве есть что рассказать). Музей повествует о геноциде литовцев в годы советской оккупации. В основном по аналогичной схеме построены и музеи оккупации в других прибалтийских столицах, которые тоже настаивают на том, что жертвами геноцида были титульные народы (эстонцы и латыши)» (Миллер, 2016, с. 112–113). Политические элиты западноевропейских государств не посчитали нужным вступать в конфронтацию по вопросам политики памяти с новыми членами Евросоюза из стран ЦВЕ (с. 117). Кульминационным событием, знаменующим единство стратегических установок правящих акторов европейского режима памяти, стало решение Европейского парламента от 2 апреля 2009 г. о том, что 23 августа (день подписания пакта Молотова – Риббентропа) объявляется днем памяти жертв актов геноцида, совершенных тоталитарными режимами, к которым были отнесены нацизм и коммунизм². Три месяца спустя в Вильнюсской декларации Парламентской ассамблеи ОБСЕ, в Резолюции «Воссоединение разделенной Европы» было сказано следующее: «... в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества»³.

Представленные и утвержденные в данных документах антисоветские формулировки были еще раз подчеркнуты и усилены в Резолюции Европейского парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы» от 19 сентября 2019 г.⁴ Главный ее тезис гласит: вся ответственность за развязывание

² *European Parliament resolution on European conscience and totalitarianism* (2009, April 2). Retrieved December 25, 2022, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009IP0213>

³ *Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии* (2009, 29 июня – 3 июля). Взято 25 декабря 2022, с <https://www.oscepa.org/en/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/265-2009-vilnius-declaration-rus/file>

⁴ *European Parliament resolution on the importance of European remembrance for the future of Europe* (2019, September 19). Retrieved December 25, 2022, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

Второй мировой войны и огромное число людских и иных жертв в ходе этой войны в равной степени лежит на двух преступных режимах – нацистском и коммунистическом (Русакова, 2022, с. 190).

Исходя из стратегических установок новоевропейской политики памяти, представленных в данных документах, и рассматривая способы их практической реализации (легитимация сноса памятников советским воинам, пересмотр памятных дат в пользу героизации нацизма и т. д.), мы приходим к выводу, что сутью трансформационного процесса, происходящего в режимах политики памяти европейских государств, является правовое оформление новой, весьма жесткой дискурсивно-методологической рамки, ограничивающей мнемоническое поле политики памяти только такими интерпретациями прошлого, которые четко укладываются в систему стратегических ориентиров, направленных на декommунизацию и десоветизацию прошлого, на развитие практик радикального пересмотра итогов Второй мировой войны, роли Советского Союза в качестве главного актора Великой Победы над европейским нацизмом. При этом о собственном нацистском прошлом современные европейские элиты предпочитают особо не вспоминать, поскольку данный вопрос в настоящее время не ставится ими на повестку дня, не является приоритетным. Скажем больше: процессы усиления нацистского движения в государствах Прибалтики и на Украине, культивирование властями данных государств фашистских коммеморативных практик не вызывают у европейских элитных групп ни беспокойства, ни протеста. В настоящее время все их внимание сосредоточено на проведении идейно-политической борьбы со стержневым элементом российского режима политики памяти, символическим выражением которого является Знамя Победы над Рейхстагом. Для патриотически настроенных россиян – это еще и символ будущих побед их страны над поднимающим голову нацистским злом, на стороне которого вольно или невольно сегодня оказались элиты большинства западных государств. В итоге осуществляемый на наших глазах процесс усиления противостояния российской и западной моделей политики памяти начинает приобретать экзистенциальный характер, поскольку именно от того, кто окажется победителем в данной борьбе, зависит не только судьба стратегических концепций, взятых на вооружение данными моделями, но также и судьба европейских государств.

Заключение

Завершая исследование, считаем возможным предложить собственный методологический подход к рассмотрению вопроса о типологии режимов политики памяти. В основе нашей типологии лежат следующие критерии: 1) характеристики доминирующего (господствующего) дискурса власти; 2) основные методы, которые применяются властным дискурсом политики памяти для внедрения его в массовое сознание; 3) базовые характеристики метанарратива, лежащего в основе идеологических установок (проектов) общенациональной политики памяти; 4) характер взаимодействия основных внутренних мнемонических акторов.

Применение первого критерия предполагает выделение доминирующего дискурса, в котором выражается способ представления данного общественного устройства посредством такой дуальной схемы, как «мы – они». «Мы» – это

формируемый доминирующим дискурсом образ существующего общества, включающий такие параметры, как роль, место и миссия данного общества в развертываемом мировом и локальном историческом процессе. «Они» – это либо внутренние социальные силы, оппонирующие официальному дискурсу памяти, либо «иные» или внешние общественные образования, по отношению к которым вырабатываются различные стратегии: стратегия вражды и жесткого противостояния, стратегия «мягкого» противодействия, стратегия партнерских отношений, стратегия дружественного взаимодействия. В зависимости от данных стратегий можно выделить такие типы моделей официальной политики памяти, как *жесткая конфронтационная модель*, *«мягкая» конфликтная модель*, *партнерская модель*, *дружественная модель*.

Говоря о методах утверждения доминирующего дискурса официальной политики памяти в массовом сознании, в зависимости от их базовых характеристик можно также выделить три основных типа режимов политики памяти. *Метод тотальной пропаганды и всестороннего контроля* за внедрением официального дискурса о прошлом в общественное сознание на практике приводит к установлению *жестко-авторитарного режима политики памяти*. Если в качестве основы государственной политики в сфере отношения к прошлому используется *метод допущения определенных альтернативных ему дискурсов в трактовке прошлого*, которым, однако, отводится место на периферии мнемонического поля данной модели памяти, тогда можно говорить о существовании *мягко-авторитарного типа режима политики памяти*. Когда же главным методом официальной политики памяти выступает *метод согласительного консенсуса*, предполагающий утверждение в качестве общенационального дискурса некоего договорного продукта, отвечающего интересам всех акторов политики памяти, можно утверждать, что речь идет о *консенсусной или демократической модели режима политики памяти*.

При использовании третьего критерия для выделения типов режимов политики памяти следует, прежде всего, обозначить главные идеологические проекты, характеризующие тот или иной метанарратив конкретной модели режима политики памяти. Назовем некоторые проекты такого рода: проект построения в СССР и во всем мире общества коммунистического будущего (советский проект); проект полной модернизации социалистического общества с национальной спецификой (современный Китай); проект создания государства с новой этнонациональной идентичностью (постсоветские государства Центральной и Средней Азии); проект формирования собственной восточноевропейской идентичности (ряд постсоциалистических государств ЦВЕ); проект утверждения и укрепления своего глобального мирового господства (современные США).

На основании применения четвертого критерия (характер взаимодействия основных внутренних мнемонических акторов) можно выделить, по крайней мере, четыре типа моделей режима политики памяти: 1) радикально отстроенная от прошлой модели памяти вновь сконструированная модель общенациональной памяти, демонстрирующая *единство основных мнемонических акторов*; 2) *модель частичного взаимодействия мнемонических акторов*, дающая возможность для сосуществования наряду с официальным дискурсом некоторых альтернативных и неофициальных дискурсов; 3) *жестко-конфронтационная модель*, когда акторы официального дискурса политики памяти находятся

в жесткой конфронтации с враждебными им акторами и их дискурсами; 4) *модель рассогласованности и разбалансировки*, когда под напором дискурсов конфронтационного типа происходит ослабление ресурсной базы официальных акторов политики памяти, что в итоге может привести к полной дискредитации их дискурсной базы.

Ярким примером модели режимов политики памяти первого типа выступает новая историческая политика, осуществляемая сегодня в ряде постсоциалистических государств Восточной Европы – Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Украине. Примером второго типа можно считать модели, сложившиеся к настоящему времени в России и Белоруссии, а также в некоторых постсоветских восточноазиатских государствах (Казахстан, Киргизия). Третья модель режима политики памяти была особенно характерна для исторической политики, осуществленной в ленинско-сталинский период развития СССР. Четвертая модель получила свое воплощение в период горбачевской перестройки.

Предложенная схема типологического анализа режимов политики памяти является всего лишь гипотетической методологической рамкой для теоретического моделирования существующих историко-политических образований и практик, а потому нуждается в дальнейшей конкретизации и апробации.

Список литературы

1. Емельянова, Н.Н. (2020). Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации. *Вопросы философии*, (7), 30–34. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-34>
2. Летняков, Д.Э. (2021). Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти. *Дискурс-Пи*, 18(2), 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61
3. Летняков, Д.Э. (2022a). Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму. *Политика и общество*, (1), 45–53. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499>
4. Летняков, Д.Э. (2022b). Историческая память и национальное государство: плюралистическая интерпретация мемориальной культуры. В Е.О. Труфанова (Ред.), *Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху* (с. 184–200). М.: Аквилон.
5. Малинова, О.Ю. (2018a). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. *Полис. Политические исследования*, (1), 9–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
6. Малинова, О.Ю. (2018b). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов. *Полис. Политические исследования*, (2), 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>
7. Малинова, О.Ю. (2018c). Политика памяти как область символической политики. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти* (с. 27–53). М. – СПб.: Нестор-История.
8. Малинова, О.Ю. (2020). Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*.

Акторы, институты, нарративы (с. 25–39). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

9. Малинова, О.Ю., Миллер, А.И. (2021). Введение. Символическая политика и политика памяти. В В.В. Лапин, А.И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 7–37). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

10. Миллер, А.И. (2016). Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (2), 111–121.

11. Николаи, Ф.В., Вилкова, Ю.В. (2020). Понятие «режимы памяти» в российских и англоязычных memory studies. *История и историческая память*, (21), 9–18.

12. Прохоренко, И.Л. (2021). «Войны памяти» в разделенных обществах: испанский случай. *Ибероамериканские тетради*, 9(3), 67–78. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-3-67-78>

13. Русакова, О.Ф. (2018). Неолиберальный пострациональный дискурс: политика постправды и доктрина Fusion. В О.В. Гаман-Голутвина (Ред.), *Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов (6–8 декабря 2018 г., Москва)* (с. 463–464). М.: Аспект Пресс.

14. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2022). *Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики*. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».

15. Русакова, О.Ф., Мошкин, С.В., Беяева, Е.Д. (2022). Конфликтный характер политики памяти об Октябрьской революции в постсоветской России. В О.Ф. Русакова (Ред.), *Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики* (с. 80–104). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».

16. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds). (2014). *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199375134.001.0001>

17. Bull, A., & Hansen, H. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4), 390–404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>

18. Shevel, O. (2011). The politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine. *Slavic Review*, 70(1), 137–164. <https://www.sci-hub.ru/10.5612/slavicreview.70.1.0137>

19. Siddi, M. (2017). The Ukraine crisis and European memory politics of the Second World War. *Perspectives on European politics and society*, 18(4), 465–479. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1261435>

References

1. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds). (2014). *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199375134.001.0001>

2. Bull, A., & Hansen, H. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4),

390–404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>

3. Emelyanova, N.N. (2020). Politika pamyati i travmy kollektivnoj pamyati v usloviyah sek'yuritzacii [The politics of memory and the trauma of collective memory in the context of securitization]. *Voprosy filosofii*, (7), 30–34. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-4>

4. Letnyakov, D.E. (2021). Osparivaemoe proshloe: k obosnovaniyu plyuralisticheskogo podhoda k istoricheskoy pamyati [Contested past: On substantiation of a pluralistic approach to historical memory]. *Diskurs-Pi*, 18(2), 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61

5. Letnyakov, D.E. (2022a). Rezhimy istoricheskoy pamyati: ot gegemonizma k agonizmu [Modes of historical memory: From hegemonism to agonism]. *Politika i Obshchestvo*, (1), 45–53. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499>

6. Letnyakov, D.E. (2022b). Istoricheskaya pamyat' i nacional'noe gosudarstvo: plyuralisticheskaya interpretaciya memorial'noj kul'tury [Historical memory and the national State: A pluralistic interpretation of memorial culture]. In E.O. Trufanova (Ed.), *Individual'naya i kollektivnaya pamyat' v cifrovuyu epohu* (pp. 184–200). Moscow: Akvilon.

7. Malinova, O.Yu. (2018a). Kommemoraciya stoletiya revolyucii (j) 1917 goda v RF: analiz strategij klyuchevyh mnemonicheskikh aktorov [The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution (s): Analysis of strategies of the key mnemonic actors]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 9–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>

8. Malinova, O.Yu. (2018b). Kommemoraciya stoletiya revolyucii (j) 1917 goda v RF: sravnitel'nyj analiz sopernichayushchih narrativov [The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution (s): Comparative analysis of rival narratives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>

9. Malinova, O.Yu. (2018c). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki. [Memory policy as an area of symbolic policy]. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* (pp. 27–53). Moscow & Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

10. Malinova, O.Yu. (2020). Rezhim pamyati kak instrument analiza: problemy konceptualizacii. [Memory regime as an analysis tool: Problems of conceptualization]. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* (pp. 25–39). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

11. Malinova, O.Yu., & Miller, A.I. (2021). Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Introduction. Symbolic politics and memory politics]. In V.V. Lapin & A.I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 7–37). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

12. Miller, A.I. (2016). Politika pamyati v postkommunisticheskoy Evrope i ee vozdeystvie na evropejskuyu kul'turu pamyati [Politics of memory in post-Communist Europe and its impact on European culture of memory]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz*, (2), 111–121.

13. Nikolai, F.V., & Vilkova, Yu.V. (2020). Ponyatie “rezhimy pamyati” v rossijskih i angloyazychnyh memory studies [“Regimes of memory” in Russian

and European memory studies]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, (21), 9–18.

14. Prokhorenko, I.L. (2021) “Vojny pamyati” v razdelennyh obshchestvah: ispanskij sluchaj [The “memory wars” in divided societies: The case of Spain]. *Iberoamerikanskije tetradi*, 9(3), 67–78. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-3-67-78>

15. Rusakova, O.F. (2018). Neoliberal’nyj postracional’nyj diskurs: politika postpravdy i doktrina Fusion [Neoliberal post-rational discourse: The politics of post-truth and the doctrine of Fusion]. In O.V. Gaman-Golutvin (Ed.), *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoj poryadok: Materialy VIII Vserossijskogo kongressa politologov (6–8 dekabrya 2018 g., Moskva)* (pp. 463–464). Moscow: Aspekt Press.

16. Rusakova, O.F. (Ed.). (2022). *Oficial’nyj diskurs rossijskoj politiki pamyati o sovetskom proshlom: strategii interpretacii, aktory, kommеморативnye praktiki* [The official discourse of the Russian politics of memory on the Soviet past: Interpretation strategies, actors, commemorative practices]. Ekaterinburg: Izdatel’skij dom “Diskurs-Pi”.

17. Rusakova, O.F., Moshkin, S.V., & Belyaeva, E.D. (2022). Konfliktnyj harakter politiki pamyati ob Oktyabr’skoj revolyucii v postsovetskoj Rossii [The conflictual nature of the memory policy of the October Revolution in post-Soviet Russia]. In O.F. Rusakova (Ed.), *Oficial’nyj diskurs rossijskoj politiki pamyati o sovetskom proshlom: strategii interpretacii, aktory, kommеморативnye praktiki* (pp. 80–104). Ekaterinburg: Izdatel’skij dom “Diskurs-Pi”.

18. Shevel, O. (2011). The politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine. *Slavic Review*, 70(1), 137–164. <https://www.sci-hub.ru/10.5612/slavicreview.70.1.0137>

19. Siddi, M. (2017). The Ukraine crisis and European memory politics of the Second World War. *Perspectives on European politics and society*, 18(4), 465–479. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1261435>

Информация об авторе

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Information about the author

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru
